
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РЕАЛИЗМ

А.В. Шабара

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье исследуются истоки и концептуальные возможности анализа международных отношений в рамках реалистической парадигмы. Рассматриваются политические условия и предпосылки возникновения теории, аксиологические особенности практики реализма в международных отношениях. Анализируются основные понятия и школы реализма: Realpolitik, политический реализм, неореализм, неоклассический реализм.

Показывается, что основанная на балансе сил Realpolitik в прусском и австрийском вариантах, — это осмысление политики в рамках систематики XIX в.; приспособление буржуазных либеральных и национальных идей к внешнеполитической конкретике Германии середины XIX в.

Показывается, что политический реализм нацеливает международного актора на стремление подчинить себе возможно большее политическое пространство. В случае политической слабости (абсолютной или относительной) политический реализм указывает на путь приспособления к обстоятельствам с целью достижения самого желаемого из возможного.

В статье рассматриваются концепции А. Рохау, Г. Моргентгау, Г. Киссинджера, К. Уолтца, показываются различия и инструментальность реалистических теорий и делается вывод об основных положениях концепции в целом.

Ключевые слова: теории международных отношений, методология, аксиология, Realpolitik, политический реализм, неореализм, неоклассический реализм.

Условия для политического реализма возникли одновременно с появлением международных отношений, т.е., по большому счету, еще на догосударственном уровне развития человечества. Предпосылки были связаны с партикуляризмом первоначальных обществ. Их исходный пункт основывался на убеждении, что все остальные — «другие». У них другая земля, которой покровительствуют другие боги, другой язык, другие обычаи. Поэтому по отношению к ним можно все; даже то, что запрещено по отношению к своим соплеменникам. Что касается собственно теории реальной политики или политического реализма, то она возникла сравнительно недавно.

Однако стоит отметить, что общий смысл этой концепции далеко не нов. Он заключается в том, что политика каждого государства направлена на решение тех задач, которые признаются наиболее важными его руководством и реализуется прежде всего силовым путем. Похожие подходы к исследованию феноменов мировой политики существуют многие сотни лет. Описание мировой истории, истории отдельных стран, равно как и истории международных отношений, по преимуществу представляют собой историю войн или их последствий. Все известные мировые державы, начиная с Древнего Египта, Ассирии, Персии, Рима, создавали свое политическое влияние прежде всего силовым путем. Поэтому неудивительно,

что при создании науки о мировых политических процессах произошло заимствование лексики из военных трактатов древности. В частности, это относится к понятиям «стратегия» и «тактика» (**στρατηγός** — воевода, **тактикός** — строевое расположение), которые наиболее активно используются в рамках реалистических теорий.

Как полноценный методологический подход реализм начал формироваться в первой половине XIX в. Сначала круг его использования ограничивался литературой, театром, живописью, а затем, когда концептуальные и инструментальные возможности реализма оценили политики, он проник в международные отношения. Как и в искусстве, реализм явился своеобразным ответом на кризис либерального и идеалистического направлений науки — в данном случае политической — и социальных практик в Европе конца XVII — первой половины XIX в. В отличие от идеализма в реалистической концепции первоочередное внимание уделяется не дальнеперспективным планам, а вопросам текущей политики и тактике.

Другое отличие от либерализма и идеализма (что бы ни говорили теоретики и практики реализма) заключается в почти полном пренебрежении к нормам морали и права. Главная задача, которую решает политический лидер или исследователь реалистического направления — поиск кратчайшего и наиболее выгодного пути для достижения поставленной цели.

Аксиологической основой реализма, если не упоминать о том, что является ценностями и для представителей большинства других теорий (власть, безопасность государства, надлежащее обеспечение его развития и т.п.), считается успех. Только он является подлинным мерилем искусства политика-реалиста. В пределе успех должен сопровождаться победой. Но победа не всегда достижима в политической игре, и потому даже сохранение status quo или относительный успех в крайне неблагоприятных условиях может быть признан в рамках концепции политического реализма определенным достижением.

Другими ценностями, признаваемыми политическими реалистами, являются интерес, сила и ее производная — баланс сил. По мнению политических реалистов, наиболее приемлемыми акторами международных отношений, а подчас и единственно возможными, следует считать государства, поскольку они являются самыми могущественными и авторитетными из всех других участников. В этом смысле, с ценностной точки зрения, политический реализм является прямым наследником старой политической традиции (идущей от Фукидида, Н. Макиавелли, Ришельё, Т. Гоббса и др.), хотя и выраженной новым языком на новый лад.

Сила как ключевое понятие политического реализма возникла не только по причине известной социополитической генетики этого направления. Дело в том, что концептуальное оформление реализма произошло в XIX в. — веке расцвета естественных наук, когда понятие силы, так же как и равновесия сил и баланса становится крайне популярным. Отсюда возник соблазн приспособить эту терминологию к науке о мировой политике. Целесообразность введения понятия силы в анализ международных отношений подкреплялось тем, что их естественным состоянием, согласно мнению реалистов, считалась анархия (на что указы-

вал Т. Гоббс в своем «Левиафане»), а упорядочить анархию можно только силой. Кроме того, многие ученые того времени уподобляли государство наделенному силой организму, что соотносилось, хотя и не вполне явно, с набравшей тогда популярность теорией Ч. Дарвина о естественном отборе.

Другим важным понятием, которое было наделено политическим реализмом особым смыслом, стал понятие «интерес».

Следует сказать, что до XIX в. понятие интереса нечасто увязывали с мировой политикой. В ходу были другие термины. Наверное, чаще всего употребляли сочетание *raison d'etat* (государственные соображения), моду на которое ввел знаменитый дипломат и государственный деятель кардинал Ришельё. Однако в дальнейшем, благодаря усилиям последующих политиков, в лексиконе науки о международных отношениях стало закрепляться понятие интереса. Наиболее ярко оно проявилось в английских представлениях о том, на что следует ориентироваться при проведении внешней политики. Большую известность получили слова английского премьер-министра Пальмерстона, что у Англии нет постоянных врагов или постоянных союзников, постоянными у Англии являются только интересы [4].

Заметим, что в то время крайне интересующейся страной в отношении всяких сомнительных комбинаций, долженствующих принести выгоду, была не только Англия. Пруссия, по мере усиления своей политической мощи, также бесцеремонно проводила политику грубой военной силы, ориентируясь только на собственные интересы, главными из которых были объединение под своим главенством Германии и гегемония в Европе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что интересы этих двух стран через полвека станут настолько противоположными друг другу, что их конфликт станет неизбежным.

При этом, не слишком полагаясь на собственные силы, обе страны пытались заручиться поддержкой союзников, стремясь изменить в свою пользу соотношение военно-политической мощи или, как тогда стало принято выражаться, — баланс сил.

Ранее термин «баланс» использовался исключительно финансистами и предполагал кропотливые расчеты средств и обязательств посредством двойной итальянской бухгалтерии. Введение категории баланса в международные отношения весьма показательны, поскольку сам термин подразумевает тщательный, не один раз выверенный подсчет.

Заметим, что одно время предпочитали использовать термин «равенство сил» (т.е. политическое равновесие). В частности, к нему обратились, когда на испанском престоле утвердился внук французского короля Филипп V (1700 г.) и его дед Людовик XV вывел из этого политическое заключение, что «Пиренеи больше нет».

Посчитав, что потенциальное объединение Франции и Испании несет в себе угрозу другим странам Западной и Центральной Европы, германский император, а затем англичане, голландцы и представители иных государств начали войну против франко-испанских войск. Война закончилась двумя соглашениями (Утрехтским 1713 г. и Раштатским 1714 г.), согласно которым династический союз меж-

ду Францией и Испанией стал невозможен. Как выразился активный участник этих событий лорд Болингброк, «предупреждение союза двух королевств когда-либо в будущем и сохранение, хотя бы до известной степени, равенства на чашах весов, взвешивающих силу, были слишком важны для Англии, Голландии и остальной Европы, чтобы поставить их в зависимость от умеренности французов» [1. С. 119]. В дальнейшем теория Болингброка использовалась Э. де Ваттелем («О праве народов») для разработки своей концепции политического равновесия и Д. Юмом, который, собственно, и ввел в науку о международных отношениях понятие баланса сил («О балансе сил»).

С введением понятия баланса внешняя политика окончательно утрачивает атрибуты искусства и превращается в науку. Раньше всех из политиков это усвоил О. фон Бисмарк. В одном из интервью он заявил, что политика — это учение о возможном [5. Р. 222].

Балансом, то есть равновесием политических сил, в науке о международных отношениях называют состояние динамической стабильности ведущих акторов. Иными словами, речь идет об устойчивом развитии основных игроков в условиях неизменной внешнеполитической среды.

В середине XIX в. в Европе было пять великих держав (составлявших т.н. «концерт») — Англия, Россия, Австрия, Пруссия, Франция. Поддерживать политическое равновесие в этих условиях было делом крайне непростым. Но от этого зависело выживание каждой из этих держав, не говоря уже о менее крупных государствах. Любая ошибка могла оказаться роковой. Однажды Бисмарк в разговоре с русским послом П.А. Сабуровым высказал мнение, что вся политика могла быть «сведена к формуле — постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций» [8. Р. 111]. На этой основе была выстроена проводимая Германией система союзов. Союз трех императоров (императоров России, Германии и Австро-Венгрии), заключенный по инициативе Бисмарка в 1881 г., был одним из примеров практической реализации концепции баланса сил. Согласно этому договору в случае нападения на одного из союзников двое других были обязаны соблюдать нейтралитет, не усиливая, таким образом, агрессора. Использование в рамках этого союза (равно как и во многих других) баланса сил в качестве внешнеполитического конструкта, позволяло Бисмарку проводить уверенную политику в отношении Франции и Англии и, по мнению многих современников, вообще манипулировать европейскими международными отношениями.

Проводимая Бисмарком политика соответствовала теории *Realpolitik*, разработанной известным политическим деятелем и журналистом Людвигом Августом фон Рохау. В изданной в 1853 г. работе «Принципы реальной политики» он утверждал, что главная задача участника международных отношений заключается в следовании мировому закону, в рамках которого каждое событие представляет собой результат текущей комбинации политических сил (*Kraft, Stärke*) [7. Р. 1]. Следование закону предполагало максимальный учет международных процессов для принятия политического решения, в наибольшей мере учитывающего инте-

рессы конкретного государства. Чтобы добиться своекорыстных целей или просто уцелеть, нужно постоянно состоять в какой-либо коалиции, для чего необходимо постоянно искать союзников, с которыми можно не церемониться после достижения задуманного. Иными словами, фон Рохау призывал использовать ситуацию текущего момента для максимального извлечения политической выгоды.

Следует сказать, что подобный подход резко контрастировал с доминировавшими прежде консервативными концепциями, составлявшими основу всех прежних отношений между государствами и союзами (эти концепции были отражены, в частности, в традиционализме Э. Бёрка и ультрароялизме Ф.-Р. де Шатобриана). Вот к чему, например, призывал своих русских читателей самый яркий представитель консервативного идеализма начала XIX в Ж. де Местр: «во всем, даже в мелочах, противоборствуйте духу новшеств и перемен» [3. С. 608]. Реальная политика А. фон Рохау нацеливала государственных деятелей совсем на другое.

Истоки этих метаморфоз следует искать в радикальных социальных изменениях, произошедших в Европе.

После Великой Французской революции, провозгласившей примат нации и войну дворцам, на мировую политику стал все явственнее накладываться отпечаток национализма и буржуазности. Династический и религиозный факторы в международных отношениях отходят на второй план. На политической авансцене их сменяют национальный (борьба за объединение Италии, Германии и других государств) и буржуазный (борьба за территории, колонии и рынки сбыта) факторы. Именно в этом контексте следует оценивать резкие изменения политики прежних легитимистов. Австрия и Пруссия — двое из основателей Священного Союза, закреплявшего все государства континента за конкретными династиями — стали делить между собой состоявшую из множества стран Германию и вмешиваться в дела близлежащих государств (Дании, Италии). В Крымскую войну (1853—1856) австрийский император Франц-Иосиф решил удивить, по его собственным словам, весь мир своей неблагодарностью по отношению к другому участнику Священного Союза — России. И это ему удалось: он занял недружественную позицию против страны, которая совсем недавно спасла его государство от неминуемого распада.

Таким образом, *Realpolitik* прусского и австрийского извода в теоретическом отношении представляла собой: осмысление политики в рамках систематики XIX в.; приспособление буржуазных либеральных и национальных идей к внешнеполитической конкретике Германии середины XIX в.

Первая мировая война подвергла серьезному испытанию теоретическую состоятельность *Realpolitik*. Стремление наиболее могущественных стран к достижению своих задач методом хитроумных политических комбинаций с упором на силу ввергло в упадок всю Европу. В этот период актуальными стали другие внешнеполитические концепты — марксизм (в двух вариантах — коммунизма и социализма), идеализм (В. Вильсон, А. Бриан), национализм (вплоть до таких крайних проявлений, как фашизм и нацизм). Однако внешнеполитический тупик, в который чуть не завели весь мир попытки практического воплощения этих про-

тиворечащих друг другу, политических концепций в межвоенный период и время Второй мировой войны (1939—1945) и в особенности некоторые обстоятельства выхода из него (союз СССР, США и Великобритании против нацистско-фашистского блока), способствовали возрождению, правда, уже на новой основе, реалистических концепций в политике.

Начало возрождению положил американский ученый Г. Моргентау. Будучи выходцем из Германии, он был хорошо знаком с *Realpolitik* и в своей работе «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» (1948 г.) существенно дополнил эту теорию, учтя особенности мировой политики накануне и во время Второй мировой войны.

Концепция силовой политики Г. Моргентау получила известность под названием политического реализма. И подобно тому, как реальная политика А. Рохау противопоставлялась идеям де Местра и Шатобриана, политический реализм Г. Моргентау противостоял идеям В. Вильсона и А. Бриана.

Несмотря на постоянные оговорки Г. Моргентау относительно необходимости соотношения политики с этикой, политический реализм в его понимании — это прежде всего политика силы, проводимая исключительно в собственных интересах: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой».

Особо отметим, что под национальным интересом Г. Моргентау понимает государственный интерес, а не интерес нации. В пределе эта концепция нацеливает политического актора на стремление подчинения себе возможно большего политического пространства. В случае политической слабости (абсолютной или относительной) политический реализм указывает на путь приспособления к обстоятельствам с целью достижения самого желаемого из возможного.

Одним из наиболее ярких теоретиков и практиков политического реализма является Г. Киссинджер. В бытность советником по национальной безопасности и государственным секретарем США он стал одним из инициаторов политики разрядки между западным блоком и Советским Союзом. Одновременно с этим он пытался уравновесить советское влияние в Азии нормализацией отношений США с Китаем (1971—1975 гг.) и в Латинской Америке — поддержкой антикоммунистических режимов (в том числе чилийского диктатора А. Пиночета).

Говоря о том, что радикальная трансформация международных отношений, к которой призывают идеалисты, чревата большими страданиями, призывал к реалистической политике равновесия. Будучи убежденным сторонником компромисса как политического средства, обосновывал это в своих трудах и реализовывал в своей практической деятельности. «Челночная дипломатия», как инициатива активного посредничества, введенная им в практику международных отношений, позволила Г. Киссинджеру существенно улучшить внешнеполитическое положение США (и, по его мнению, международные отношения в целом), не меняя при этом основ мирового порядка. В этом смысле, он подобно Бисмарку с его неутомимой деятельностью по организации всевозможных союзов создавал политические события и соглашения, необходимые для поддержания политического баланса и реализации национальных интересов своей страны.

В конце 70-х гг. XX в. политические реалисты подверглись критике сторонников нового направления, которое стало известно как неореализм (Б. Бузан, Дж. Моделски, П. Кеннеди и др.).

Пожалуй, самым известным представителем неореализма являлся американский ученый К. Уолтц. Разделяя базовые установки реализма об анархичности международных отношений, значении баланса сил и интересов, он критиковал политических реалистов за недостаток системности (международные отношения рассматривались им исключительно как система) и в особенности за отсутствие структурной аналитики. Сам он полагал, что структуры, определяющие состояние и развитие международной системы, могут различаться по потенциалу (силе), по функциям (назначению), по организованности (негэнтропийности). Самой важной структурной характеристикой К. Уолтц, естественно, считал силу, но придавал большое значение не только ее военной, но и финансовой, экономической и другим составляющим. Структурные ограничения, согласно его концепции, требуют от государства стремления к увеличению своей мощи за счет собственных усилий, за счет вступления в союз с другими государствами и за счет действий по уменьшению сил своих противников [10. Р. 73]. В международных отношениях он выделял три уровня, находящиеся между собой во взаимосвязи — индивид, государство и международная система. Специфическое сочетание этих уровней приводит, по мнению К. Уолтца, к принятию определенного решения в международных отношениях.

В целом особенностью неореалистического анализа международных отношений является примат системы над отдельным государством. В некоторых работах К. Уолтц высказывал весьма спорную точку зрения о том, что умеренное распространение ядерного оружия, приобретая системное значение, обладает сдерживающим эффектом, поскольку является своеобразным балансом, сдерживая мощь сверхдержав. Исходным пунктом рассуждений подобного рода является вера в то, что государствам свойственно рациональное поведение и стремление к минимизации рисков [9. Р. 261].

В конце 80-х гг. XX в., когда глобальные процессы стали набирать все большую силу, на первый план в рамках реалистических теорий выдвинулся неоклассический реализм.

Уточняя положения К. Уолтца, неоклассики свели модель системы международных отношений к результату взаимодействия трех переменных: внешняя среда (независимая переменная), институциональная среда (вторгающаяся переменная), внешняя политика (зависимая переменная). Из этого следует, что две первых являются критически важными детерминантами для третьей, хотя опосредованное значение третьей на первые две (сообразно системному принципу, согласно которому все имеет отношение ко всему) не отрицается. Кроме того, как это явствует из внезапного характера вторгающейся институциональной переменной, неоклассические реалисты (Ф. Закария, Дж. Снайдер, Р. Швеллер) стали уделять особое внимание внутривнутриполитическим и даже непредвиденным факторам, связанным с возрастающей гетерогенностью общества, которые трудно или даже невозможно учесть заранее [6. Р. 165].

В заключение на одном и том же примере укажем на инструментальные возможности каждого из направлений и их влияние на результат исследования.

Инструментальное значение отличий реалистических школ заключается в различном истолковании фактов мировой политики. Иными словами, используя ту или иную концепцию в рамках общей теории политического реализма, мы получаем различный результат исследования.

Возьмем в качестве примера Семилетнюю войну (1756—1763 гг.).

Сторонники классического реализма будут утверждать, что ее смысл заключался в том, что одни участники (Пруссия, Англия) стремились увеличить собственное могущество и изменить сложившееся равновесие сил в Европе в свою пользу, с чем другие (Австрия, Франция, Россия) были категорически не согласны. С точки зрения апологетов *Realpolitik* это война не участников, а коалиций (англо-прусской против коалиции Кауница) и смысл ее заключался в изменении баланса сил. Представители политического реализма скорее всего будут склонны трактовать Семилетнюю войну как очередную попытку целого ряда европейских стран реализовать силовым путем свои национальные интересы — эгоистические, как отмечает Г. Киссинджер [2. С. 64], — за счет национальных интересов других. Нео-реалисты покажут, что война явилась закономерным следствием динамических изменений международной системы. Сторонники неоклассического реализма укажут на то, что Семилетнюю войну можно понять лишь как один из результатов совокупности институциональных изменений, произошедших в мировой политике.

Из этого следует, что спектр инструментальных возможностей реализма достаточно велик. Но для того, чтобы ими корректно пользоваться, следует хорошо представлять методологическую специфику каждого из направлений (включая возможные ограничения и запреты) и, разумеется, использовать для исследования только репрезентативный материал.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Болингброк*. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. В оригинале “the preventing an union of the two monarchies in some future time, and the preservation of a certain degree at least of equality in the scales of power, were points too important to England, Holland, and the rest of Europe, to be rested on the moderation of French” (*Bolingbroke*. Letters on the study and use of history. L., 1779. P. 284).
- [2] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- [3] *Местр Ж., де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998.
- [4] *Пальмерстон*. Речь 1 марта 1858 г в английской палате общин. В оригинале этот пассаж выглядел так: “Therefore I say that it is a narrow policy to suppose that this country or that is to be marked out as the eternal ally or the perpetual enemy of England. We have no eternal allies, and we have no perpetual enemies. Our interests are eternal and perpetual, and those interests it is our duty to follow”.
- [5] *Bismarck O., von.* Gespräche. Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches // Die gesammelten Werke. Bd. 7/1. Berlin, 1924.
- [6] *Zakaria F.* Realism and Domestic Politics: A Review Essay // International Security, Vol. 17. No. 1 (Summer 1992). P. 198; *Snyder J.* Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. London, 1991. P. 19; Correspondence. Brother, Can You Spare a Paradigm? (Or Was

Anybody Ever a Realist?). *Peter D. Feaver, Gunther Hellman, Randall L. Schweller, Jeffrey W. Taliaferro, William C. Wohlforth, Jeffrey W. Legro and Andrew Moravcsik // International Security*. Vol. 25. No 1. (Summer 2000).

- [7] *Rochau A.L., von. Grundsätze der Realpolitik, angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands*. Stuttgart, 1853.
- [8] *Saburov P.A. The Saburov Memoirs, or Bismarck and Russia: Being Fresh Light on the League of the Three Emperors, 1881*. Cambridge University Press. 1929.
- [9] *Waltz K. Realism and International Politics*. N.-Y., 2008.
- [10] *Waltz K. Theory of International Politics*. N.-Y., 1979.

INTERNATIONAL RELATIONS RESEARCH METHODOLOGY: REALISM

A.V. Shabaga

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article examines the origins and conceptual analysis capabilities of international relations in the framework of a realistic paradigm. We research political conditions and preconditions of the creation of realism's theory and axiological features of realism's practice in international relations. We also analyze the basic concepts and schools of realism: Realpolitik, political realism, neorealism, neoclassical realism.

It is shown that based on the balance of power in the Realpolitik Prussian and Austrian cases, this understanding of politics within the systematics of the XIX century; the adaptation of the bourgeois liberal and national ideas to the foreign-policy specifics Germany middle of the XIX century.

It is shown that political realism is targeting an international actor on the desire to subjugate the greatest possible political space. In the case of political weakness (absolute or relative) political realism indicates a way of adapting to circumstances in order to achieve the most desirable of the possible.

The article discusses the concept A. Rochau, H. Morgenthau, H. Kissinger, K. Waltz, showing differences and instrumentality realistic theories and concludes that the main provisions of the concept as a whole.

Key words: international relations theory, methodology, axiology, Realpolitik, political realism, neorealism, neoclassical realism.

REFERENCES

- [1] Bolingbroke. Letters on the study and use of history. L., 1779. P. 284
- [2] H. Kissinger Diplomacy. Moscow, 1997.
- [3] J. de Maistre Saint-Petersburg's evenings. Saint-Petersburg, 1998.
- [4] Palmerston Speech in the British House of Commons, March 1, 1858. Originally: "Therefore I say that it is a narrow policy to suppose that this country or that is to be marked out as the eternal ally or the perpetual enemy of England. We have no eternal allies, and we have no perpetual enemies. Our interests are eternal and perpetual, and those interests it is our duty to follow".

- [5] Bismarck O., von. Gespräche. Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches. *Die gesammelten Werke*. Bd. 7/1. Berlin, 1924.
- [6] Zakaria F. Realism and Domestic Politics: A Review Essay. *International Security*, Vol. 17. No. 1 (Summer 1992). P. 198; Snyder J. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. London, 1991. P. 19; Correspondence. Brother, Can You Spare a Paradigm? (Or Was Anybody Ever a Realist?). Peter D. Feaver, Gunther Hellman, Randall L. Schweller, Jeffrey W. Taliaferro, William C. Wohlforth, Jeffrey W. Legro and Andrew Moravcsik. *International Security*. Vol. 25. No 1. (Summer 2000).
- [7] Rochau A.L., von. Grundsätze der Realpolitik, angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1853.
- [8] Saburov P.A. The Saburov Memoirs, or Bismarck and Russia: Being Fresh Light on the League of the Three Emperors, 1881. Cambridge University Press, 1929.
- [9] Waltz K. Realism and International Politics. N.-Y., 2008.
- [10] Waltz K. Theory of International Politics. N.-Y., 1979.